

К вопросу о
библейских и
богослужебных
заимствованиях у
М. В. Ломоносова

On the Problem of
Biblical and
Liturgical Citation
by Mikhail
Lomonosov

**Евгений Михайлович
Матвеев**

С.-Петербургский государственный
университет
С.-Петербург, Россия

Yevgeniy M. Matveev

St. Petersburg State University
St. Petersburg, Russia

Резюме

Главной задачей настоящей статьи является описание типов и функций библейских и богослужебных цитат в произведениях М. В. Ломоносова. Обращение к корпусу ломоносовских текстов показывает, что явные цитаты из библейских и богослужебных текстов можно найти как в поэзии, так и в прозе, причем не только в “поэтической” ораторской прозе. В статье рассматриваются различные формы использования библейско-богослужебного контекста в торжественных одах, естественнонаучных текстах, служебных документах и письмах Ломоносова. Источниками приводимых в статье библейско-богослужебных цитат послужили Московская Библия (1663), Минея праздничная (1730) и Октоих (1715). Исследование демонстрирует, что в произведениях Ломоносова библейский источник может упоминаться без цитирования, может быть использована маркированная цитата, библейско-богослужебный контекст может включаться в собственную речь Ломоносова без переосмысления, а может приобретать дополнительные смыслы. Особой формой следует считать использование библейско-богослужебной

фразеологии. Среди специфических функций библейско-богослужебных заимствований выделяются следующие: а) подключение библейского и богослужебного ассоциативного ряда к сюжету ломоносовской торжественной оды (важной проблемой при этом является определение того, какой именно ассоциативный ряд подключается — собственно библейский или богослужебный); б) иллюстрирование при помощи цитат рассуждения о совместимости науки и религии в естественнонаучных трудах; в) использование библейско-богослужебной речевой стихии для создания полемического и иронического контекста в прозаических произведениях разных жанров; г) акцентирование высказываний в ломоносовских письмах, в результате чего возникает своеобразный эффект “переключения языков”.

Ключевые слова

М. В. Ломоносов, библейские и богослужебные цитаты, библейская и богослужебная фразеология, источник, функция, Минея, Октоих

Abstract

The main objective of this paper is to describe the types and functions of biblical and liturgical citation in M. V. Lomonosov's works. This research into Lomonosov's text corpus shows that explicit biblical and liturgical citation can be revealed in the texts of different genres—both in his poetry and in his prose works (and not only in “poetic” rhetorical prose). The paper focuses on different forms of biblical and liturgical contexts in Lomonosov's panegyric odes, natural science texts, working papers, and letters. Three sources of biblical and liturgical parallels were used: the Moscow Bible (1663), the Festal Menaion (1730), and the Octoechos (1715); the latter includes Lomonosov's notes in the margins. The research shows that Lomonosov proceeds in various ways: he might mention a Bible source without citation; he might use marked citations; and he might include biblical and liturgical citations into his own speech without reinterpretation, sometimes giving them some additional semantics. Biblical and liturgical phraseology can be described as using the following specific forms: a) phrases that actuate biblical and liturgical semantics in Lomonosov's panegyric odes (an important issue is to reveal which context is relevant—the biblical or the liturgical); b) those that demonstrate logical consistency between science and religion in Lomonosov's natural science texts; c) those that construct polemic and ironic context in prose works of different genres; and d) those that emphasize some statements in Lomonosov's letters, creating the effect of “switching the languages.”

Keywords

Mikhail Lomonosov, Bible and liturgical citation, Bible and liturgical phraseology, source, function, Menaion, Octoechos

1

Прекрасное знание Библии и богослужбных книг М. В. Ломоносовым общеизвестно¹, и проблему библейских и богослужбных заимствований у Ломоносова нельзя причислить к числу неисследованных вопросов. Во-первых, весьма обширна литература, посвященная ломоносовским переложениям — “Оде, выбранной из Иова” и переложениям псалмов [Пумпянский 1983; СЕРМАН 1966; Западов 1979; Левитт 2006; Лотман 1983; Луцевич 2002]. Во-вторых, исследовались библейские и богослужбные заимствования в других — напрямую не связанных с библейско-богослужбным контекстом — поэтических произведениях Ломоносова, в частности, в торжественных одах. Этому вопросу посвящены две статьи, написанные еще в 10-е гг. XX века [Дороватовская 1911; Солосин 1913]. Некоторые библейские цитаты и аллюзии были отмечены комментаторами двух академических собраний сочинений М. В. Ломоносова [1891–1948; ИДЕМ 1950–1983²], а также в позднейших исследованиях [Живов 1994; ИДЕМ 2002].

Таким образом, предметом большинства существующих исследований являются заимствования в ломоносовских духовных одах, переложениях псалмов и других жанрах его поэзии, прежде всего торжественных одах³. Между тем обращение к корпусу ломоносовских текстов демонстрирует, что явные и скрытые цитаты из библейских и богослужбных текстов можно найти не только в поэзии, но и в прозе. Кроме того, функции таких цитат в различных жанрах (а иногда в различных текстах, относящихся к одному жанру) неодинаковы. Последнее обстоятельство заставляет вновь обратиться к проблеме ломоносовских библейских и богослужбных заимствований⁴. Цель настоящей статьи —

¹ Интерес Ломоносова к церковному богослужению проявился еще в детстве и ранней юности [ПЕКАРСКИЙ 1873: 269, 279] и не ослабевал в годы обучения в Славяно-греко-латинской академии [ВОСКРЕСЕНСКИЙ 1891] и в более позднее время. Одно из “вещественных доказательств” этого интереса — Октоих 1746 года, содержащий пометы М. В. Ломоносова [ЛЕОНОВ, КАРПЕЕВ, САВЕЛЬЕВА 2007].

² Далее ссылки на это издание оформляются в тексте статьи сокращенно в круглых скобках: первая цифра указывает том, вторая — страницу.

³ Отметим, однако, что в главных монографических работах, непосредственно посвященных русской торжественной оде [ПОГОСЯН 1997; АЛЕКСЕЕВА 2005], проблема библейско-богослужбных заимствований остается на периферии исследовательского внимания.

⁴ Использование термина “заимствование” по отношению к интертекстуальным связям произведений Ломоносова с Библией и богослужбной литературой с лингвистической точки зрения может показаться не вполне корректным. Так, например, может вызвать сомнение рассмотрение в качестве заимствований лексических и фразеологических славянизмов, поскольку предметом рассмотрения являются тексты, созданные в период формирования литературного языка как языка славенороссийского [ЖИВОВ 1996: 265–418]. Однако по отношению к

на материале анализа отдельных примеров (как поэтических, так и — в большей степени — прозаических) показать функционирование заимствований, чему ранее, как представляется, не уделялось достаточного внимания⁵.

2

Значительная часть библейских и богослужебных заимствований, которые можно обнаружить в одической поэзии М. В. Ломоносова, утратили связь с конкретным религиозным источником. По словам В. М. Живова,

такие образы, как “райский крин”, “сломить / стереть рог гордых”, “отверзающаяся небесная дверь” и многие другие, настолько прочно входят в поэтический словарь оды, что, видимо, и ассоциируются прежде всего с одой, а не с Св. Писанием [Живов 2002: 651].

Рассмотрим подробнее один из примеров, указанных исследователем. В девятой строфе “Хотинской оды” рисуется картина сошествия с небес к сражающимся Петра Великого (который обозначен словом “Герой”): “Небесная отверзлась дверь; / Над войском облак вдруг развился; / Блеснул горящим вдруг лицом, / Умытым кровию мечем / Гоня врагов, Герой открылся” (8: 22–23). В. М. Живов указывает возможные источники строки *Небесная отверзлась дверь*. Это две собственно библейские параллели: “И заповеда облаком свыше, и двери небесе отверзе, и одожди им манну ясти, и хлеб небесный даде им” (Пс 77:23–24); “По сих

интересующему нас предмету сложилась длительная традиция использования именно этого термина. Он встречается в вышеупомянутых работах И. Солосина и В. Дороватовской. И. И. Солосин использует его в максимально широком смысле: “. . . заимствования можно найти повсюду в языке Ломоносова, не исключая его научных и прозаических статей, но они особенно ярки в его стихотворениях, в его лирике [. . .] В одних стихах Ломоносова мы находим почти буквальное воспроизведение текста книг священного писания, церковных песнопений и молитв, в других — отдельные слова и выражения церковные, умело вставленные в речь, в третьих — мысли и образы, навеянные тем или иным текстом книг церковных” [Солосин 1913: 241]. Показательно, что в статье В. М. Живова “Кошунственная поэзия в системе русской культуры конца XVIII – начала XIX века”, впервые опубликованной в 1981 г., используется тот же термин, причем представлено сходное с исследователями начала XX в. широкое его понимание: “Одним из основных источников формирования фразеологии высокого стиля служит Св. Писание и богослужение [. . .] При этом заимствования распространяются не только на отдельные церковнославянские слова, но и на выражения и образы” [Живов 2002: 649]. Представляется, что, несмотря на определенную лингвистическую спорность термина “заимствование”, именно он позволяет охватить все многообразие типов языковых и текстуальных связей между произведениями Ломоносова и библейско-литургическим корпусом текстов.

⁵ В ходе работы над статьей использовался электронный корпус текстов М. В. Ломоносова, подготовленный сотрудниками отдела “Словарь языка М. В. Ломоносова” ИЛИ РАН.

видех: и се, двери отверсты на небеси, и глас первый, егоже слышах яко трубу глаголющ со мною, глаголя: взыди семо, и покажу ти, емуже подобает быти по сих” (Откр 4:1)⁶; и один богослужебный контекст — стихира праздника Сретения: “да отверзется дверь Небесная днесь” (великая вечерня, стихира⁷) [Живов 1994: 74]. И в указанных библейско-богослужебных источниках, и в “Хотинской оде” Ломоносова образ *небесной двери*⁸ обладает сходными семантическими признаками: “небесная дверь” означает некую границу между двумя мирами — земным и небесным, миром живых и миром умерших, поэтому этот образ как нельзя лучше работает на идею преемственности, связи времен, соединения прошлого и настоящего. При этом вряд ли возможно указать один явный претекст “Хотинской оды”: отдавать предпочтение какому-либо одному из выявленных возможных источников у нас нет оснований⁹.

Похожая ситуация с источниками библеизма *мед и млеко*, который является одическим клише [Живов 2002: 652] и одним из устойчивых компонентов имперского “райского мифа” [ВАЕНР 1991: 2, 6, 33, 63, 174, 202] (ср. также: [Проскурина 2006: 57–104]). У Ломоносова это выражение встречается трижды с различными глаголами:

-
- ⁶ В цитатах, приводимых по тексту Московской Библии 1663 г. и по богослужебным книгам XVIII века, орфография и пунктуация модернизированы.
- ⁷ В богослужении Сретения есть еще одно песнопение, в котором обнаруживается это выражение: “ныне да отверзется дверь Небесная” (малая вечерня, стихира [Минея 1730: л. 254 об.]).
- ⁸ Вообще сочетание *небесная дверь* с различной семантикой встречается в богослужебных песнопениях многократно. Ср.: “Небесную дверь воспоим Марию Деву” (Богородичен догматик, гл. 1-й [Октоих 1715: л. 3; Солосин 1913: 246]); “Украси твой чертог, Сионе, / и подыми Царя Христа, / целуй Марию, Небесную Дверь” (Сретение, великая вечерня, стихира на стиховне [Минея 1730: л. 258]); “Взяшася двери Небесныя, и Ангели воспеша” (Успение, утренняя, канон [ивид.: л. 434]); “Двери Небесныя, примите Деву / во святая святых, / нескверную же Скинию Бога Вседержителя” (Введение, малая вечерня, стихира на стиховне [ивид.: л. 61]); “Гору и дверь Небесную и мысленную Тя лествицу / боголепно лик божественный пронарече” (Рождество Богородицы, канон [ивид.: л. 22]) и др. И. И. Солосин в качестве предполагаемого источника образа из “Хотинской оды” Ломоносова указывает первый пример из Октоиха, что, конечно, сомнительно, т. к., во-первых, в этом примере отсутствует глагол *отверзнуться*, во-вторых, здесь, в отличие от параллелей, приведенных В. М. Живовым, в которых *небесная дверь* обладает более абстрактной семантикой, значение этого выражения предельно конкретно (*небесная дверь* — это Богоматерь).
- ⁹ После “Хотинской оды” образ *небесной двери* неоднократно использовался в одической поэзии М. В. Ломоносова. Ср.: “Доброт чистейший лик вознес / Велику Анну в дверь небес” (8: 51); “Священный ужас мысль объемлет! / Отверз Олимп всеильный дверь. / Вся тварь со многим страхом внемлет, / Великих зря Монархов Дщерь” (8: 84); “На запад смотрит грозным оком / Сквозь дверь небесну Дух Петров, / Во гневе сильном и жестоком / Преступных он мятет врагов” (8: 97); “Верхи Парнаски восстенали, / И Музы воплем провождали / В небесну дверь пресветлый дух” (8: 201). От Ломоносова этот “прием одической механики” переходит к Сумарокову [Проскурина 2006: 72].

а) в оде “Первые трофеи Его Величества Иоанна III”: “К себе вас та земля влечет, / В которой *мед с млеком течет?*” (8: 45);

б) в “Оде на прибытие из Голстинии и на день рождения Петра Федоровича 1742 года”: “*Млеком и медом напоенны, / Тучнеют влажны берега*” (в отдельном издании оды 1742 года: “*Текут млеком и медом реки*”) (8: 67);

в) в “Слове похвальном Елисавете Петровне”: “Господствующая в земли, *мед и млеко точащей*, на камни ли неплодные с желанием взирать будет?” (8: 247).

Формула, связанная с образом “земли обетованной” из книги Исход, многократно встречается в различных библейских книгах: “И снидох изъяти их от руку египетску, и извести я из земли тоя, и ввести их в землю благу и многу, в землю *кипящу млеком и медом*” (Исх 3:8); “Изведу вы от земли и от работы египетския в землю хананейску и хетфейску, и еврейску, и аморрейску, и ферезейску, и гергесейску, и евусейску, в землю *кипящу млеком и медом*” (Исх 3:17) [МБ 1663: л. 20 об.]; “И введу тя в землю *текущую млеком и медом*” (Исх 33:3) [ИВІД.: л. 32 об.]; “Вы наследите землю их, и аз дам вам ея в притяжание. Земля, из нея же *течет мед и млеко*, аз Господь Бог ваш, отлучивый вас от всех язык” (Лев 20:24) [ИВІД.: л. 43 об.]; “Того ради воздвигох руку мою на ня в пустыни, еже не ввести их в землю, юже дах им, *текущу млеком и медом*” (Иез 20:15) [ИВІД.: л. 338 об.] и др. [Солосин 1913: 248–249]. Один из фрагментов книги Исход находим в праздничной Минее, где он включен в паремийные чтения праздника Благовещения (заметим, что здесь использовано причастие *точащий* — как и в ломоносовском слове): “Вем бо болезнь их, и снидох, еже изъяти их от руки египтян, и извести их от земли оная, и ввести их в землю благу и многу, в землю, *точащу мед и млеко*” (Исх 3:8) [Минья 1730: л. 285].

Несмотря на обилие в поэзии Ломоносова одических клише, генетически связанных с библейско-богослужебным контекстом, встречаются в его творчестве и примеры заимствований, которые нельзя назвать одическими штампами и которые, сохраняя связь с источником, подключают к сюжету торжественной оды библейский и богослужебный ассоциативные ряды. Важной проблемой при этом является соотношение библейского и богослужебного ассоциативного ряда, которое, как представляется, может влиять на интерпретацию ломоносовского текста.

Проанализируем в качестве примера выражение *Ветхий деньми*, которое встречается у Ломоносова единожды — в “Оде на прибытие Елисаветы Петровны из Москвы в Санктпетербург 1742 года по коронации”:

Благословенна вечно буди, —
 Вещает Ветхий деньми к ней, —
 И все твои с тобою люди,
 Что вверил власти я твоей.
 Твои любезные доброты
 Влекут к себе мои щедроты.
 Я в гневе россам был творец,
 Но ныне паки им отец:
 Души твоей кротчайшей сила
 Мой гнев на кротость преложила (8: 84).

М. И. Сухомлинов [Ломоносов 1891–1948, 1: 202] и И. И. Солосин [1913: 250] возводят наименование *Ветхий деньми* к книге пророка Даниила: “Зрях, дондеже престолы поставишася, и *Ветхий деньми* сядяше” (Дан 7:9); “Видех во сне нощию, и се на облацех небесных, яко Сын человек идый бяше, и до *Ветхаго деньми* дойде, и пред ним приведяся ему” (Дан 7:13); “Дондеже приидет *Ветхий денми* и суд даст святым Вышняго” (Дан 7:22) [МБ 1663: л. 356 об.].

Л. В. Пумпянский убедительно показал, что несколько больших фрагментов оды 1742 года (строфы 6–8, строфа 10, части строф 18 и 21) стилистически резко расходятся со всем остальным текстом оды и образуют особый “богословский” текст, насыщенный библейской ветхозаветной фразеологией и напоминающий по своему стилю созданные (по мнению исследователя) в 1742–1743 гг. духовные оды Ломоносова — “Утреннее размышление о Божием величестве”, “Вечернее размышление о Божием величестве” и “Оду, выбранную из Иова”:

4 произведения (если богословские произведения антишведской оды [т. е. “Оды на прибытие”. — Е. М.] условно представить как отдельное произведение) связаны тождеством стилистических признаков и, в основном, тождеством темы, которую можно определить, как апологию бога [. . .] космологическими доводами, с энергической грандиозностью языка [Пумпянский 1935: 107].

Исследователь также отмечает общий лютеранский характер всех четырех произведений: “Нет следов не только церковного учения, но и тритеизма. Нет следов евангельской системы образов. Грандиозные образы все ветхозаветного типа” [Пумпянский 1935: 109]¹⁰. На наш взгляд, анализ 6-й строфы “Оды на прибытие”, содержащей выражение

¹⁰ К сходному выводу приходит Т. Е. Абрамзон, анализируя библейских “героев” всех ломоносовских торжественных од: “Наиболее важным и самым частотным «героем» данной группы является *ветхозаветный Бог*. Христианской Троицы одический мир Ломоносова не знает [. . .] Именно ветхозаветный Бог стоит во главе иерархии образов одического мира поэта-просветителя” [Абрамзон 2004: 11].

Ветхий деньми, а также привлечение к рассмотрению возможного богослужебного источника оды позволяет несколько скорректировать последнее положение исследователя и иначе интерпретировать оду 1742 года¹¹.

К 7-й строке 6-й строфы оды (“Я в гневе Россам был Творец”) в академическом полном собрании сочинений М. В. Ломоносова дается следующее примечание: “Ломоносов говорит в данном случае о современном ему новом поколении русских людей, которое сложилось в тяжелые времена бироновщины” (8: 897) (этот комментарий без изменений сохранен во втором, исправленном и дополненном, издании полного собрания сочинений [Ломоносов 2011, 8: 817]). Эпитет “Творец” — одно из характерных для Ветхого Завета имен-определений Бога [Иларион 2009, 1: 377], “Отец” же (не как наименование ипостаси, а как оценочный эпитет) — определение скорее новозаветное¹². Явно выраженная оппозиция *Творец* — *Отец* (поддержанная еще одной оппозицией *гнев* — *кротость*) позволяет заключить, что эпоха Анны Иоанновны осмысляется Ломоносовым как время Ветхого Завета (“Я в *гневе* Россам был *Творец*”)¹³, а эпоха Елизаветы Петровны — как Новый Завет (“Но ныне паки

¹¹ О несомненных “следах церковного учения” в двух ломоносовских “Размышлениях” см., в частности: [Левитт 2006].

¹² Ср. рассуждение об этом современного богослова: “Ветхий Завет лишь изредка упоминал о Боге как об Отце [. . .], и чувство нежной сыновней любви по отношению к Богу не было характерно для древних евреев: более характерным было чувство рабского страха и трепета перед Богом. В Новом Завете тема отцовства Бога является центральной” [Иларион 2009, 1: 392].

¹³ В одической поэзии и ораторской прозе 40-х гг. можно найти примеры использования ветхозаветной образности и стилистики для изображения и оценки эпохи Анны Иоанновны (обычно без называния имени самой императрицы). Ср., например, 9-ю строфу ломоносовской “Оды на день восшествия на престол Елизаветы Петровны 1746 года”, в которой аннинское царствование сопоставлено со Всемирным потопом: “Нам в оном ужасе казалось, / Что море в ярости своей / С пределами небес сражалось, / Земля стенала от зыбей, / Что вихри в вихри ударялись, / И тучи с тучами спиральсь, / И устремлялся гром на гром, / И что надуты вод громады / Текли покрыть пространны грады, / Сравнять хребты гор с влажным дном” (8: 140–141). Такое же уподобление представлено и в разбираемой нами оде — в 7-й строфе: “Утешил Я в печали Ноя, / Когда потопом мир казнил, / Дугу поставил в знак покоя, / И тою с ним завет чинил. / Хотел Россию бед водою / И гневною казнить грозою” (8: 85). Как следствие гнева грозного и справедливого “ветхозаветного” Судии изображены несчастья россиян, предшествующие восшествию на престол Елизаветы, например, в “Слове на день коронации Елизаветы Петровны” (1742) епископа Гедеона (Криновского): “Сей фиал ярости Божия кто не исповедает, что подлинно велик излиан на тебе, Россия! Но унылые сынове твои, странным неким сном отягощенны имея очи свои, усмотреть того не могли чрез долгое время; а когда усмотрели, воздели немедленно руки свои к Богу, изливали пред Ним сердца своя, и молили обще все с прилежанием, чтоб язва сия отнялась от душ их. И правда, что котораго тридневный Ниневитяня пост умягчить был доволен, недолго было, чтоб призрел Он на смирение и нас бедных рабов Своих” [Гедеон 1755: 271–272]. Здесь используется ветхозаветный

им *Отец*”; еще один тяготеющей к новозаветной линии образ — *милость*: “Пробавил *милость* в людех сих”) ¹⁴.

Таким образом, раздвоенность образа *Ветхого деньми* в оде 1742 года показывает, что с восшествием на престол Елизаветы меняются взаимоотношения Бога с Россией — подобно тому, как меняются отношения Бога с людьми в Новом Завете. Неслучайно в соседних строфах (5-й и 7-й) дважды используется слово “завет” в связи с образом новой императрицы: “Великих зря Монархов Дщерь [. . .] *Завет* крепит и утешает”; “Тебя поставил в знак *завета* / Над знатнейшею частью света” (8: 84–85).

Одним из источников образа *Ветхого деньми*, отчасти проясняющим его вышеописанную двойственность, на наш взгляд, может служить богослужение праздника Сретения Господня, откуда образ *Ветхого деньми* мог проникнуть в оду Ломоносова. *Ветхий деньми* является устойчивым образным наименованием Бога в богослужении Сретения, это выражение встречается здесь трижды: “*Ветхий Деньми*, иже закон древле в Синае дав Моисею, днесь Младенец видится” (великая вечерня, стихира на литии [Миня 1730: л. 257]); “*Ветхий деньми*, младенствовав плотию, Материю Девую в церковь приносится” (великая вечерня, стихира на литии [ibid.: л. 258]), “Младенствуеши мене ради, *Ветхий деньми*” (утреня, седален [ibid.: л. 259]). Это наименование, как и другие литургические тексты праздника Сретения, связано с темой боговоплощения и выражает идею парадоксальной “эквивалентности” ветхозаветного Бога и новозаветного Богомладенца ¹⁵.

образ *фиала ярости Божией* (ср. Иер 25:15, Ис 51:17 и Пс 74:9), а также упомянуты ниневитяне — герои книги пророка Ионы. О различных формах противопоставления елизаветинского царствования эпохе Анны Иоанновны в проповеди елизаветинского времени см., в частности: [СЕРМАН 1966 27–29, 104 и др.; АФАНАСЬЕВ 2003; МАТВЕЕВ 2009: 33–82].

¹⁴ С нашей точки зрения, не следует преувеличивать роль ветхозаветных образов в одическом мире Ломоносова. Убедительно обосновывает влияние на Ломоносова богословия Нового Завета М. Левитт. Исследователь, анализируя световые образы у Ломоносова, доказывает, что на его поэтические взгляды могло повлиять учение крупнейшего православного богослова Григория Паламы (1296–1359) о нетварном Божественном свете [ЛЕВИТТ 2015: 129–145]. В отношении разбираемой нами оды исследователь говорит не о ветхозаветной, а об “иудео-христианской образности” [ibid.: 94].

¹⁵ Яркую иллюстрацию этой идеи в богослужении Сретения приводит митр. Иларион (Алфеев): “Подчеркивается, что Младенец, принесенный в храм Иосифом и Марией, не кто иной, как Тот, Кто дал закон Моисею. Из послушания закону Он на восьмой день принял обрезание, а теперь приносится в храм Господень к Самому Себе, в дом Отца и Свой собственный дом: *Днесь древле Моисею в Синаи закон подавый законным повинуется велением, нас ради, яко Милосерд, по нам быв. Ныне Чистый Бог яко Отроча Свято, ложесна разверз чистья, Себе Самому яко Бог приносится, законныя клятвы свободя и просвещая души наша* (Миня. Сретение Господне. Великая вечерня. Стихира

Одним из основных мотивов оды 1742 г. “На прибытие Елисаветы Петровны из Москвы в Санктпетербург” является мотив встречи (императрица прибывает в столицу). С другой стороны, в сюжете оды есть еще одна встреча — *Ветхого деньми* с Елизаветой, которая перед ним предстоит (“Стоящу пред Его лицом”). Параллельно с этим развивается тема противопоставления “ветхого” и “нового”, встречи двух эпох. Кажется допустимым предположение, что Ломоносов мог позаимствовать библейский образ из службы праздника Сретения по ассоциации: как и реальность, описанная в оде, событие праздника Сретения — это тоже встреча ветхого и нового, Симеона Богоприимца и Иисуса Христа. (Конечно, эта аналогия не является полной. Во-первых, сюжет праздника подчеркивает преемственность Ветхого и Нового Заветов; у Ломоносова же новая елизаветинская эпоха, как это было в большинстве панегирических текстов того времени, резко противопоставлена аннинской. Во-вторых, у Ломоносова “новозаветная” эпоха Елисаветы Петровны явно “рифмуется” с еще более ранним временем — петровским: “Но ныне *наки* им Отец”)¹⁶.

В качестве косвенного подтверждения значимости для Ломоносова тематики и образности Сретения приведем еще один пример подключения сретенского библейско-богослужебного ассоциативного ряда к сюжету ломоносовской торжественной оды. Это фрагмент “Оды на рождение Великаго Князя Павла Петровича сентября 20 1754 года”. В 5-й строфе этой оды некий старик благодарит Бога за то, что смог дожить до рождения наследника:

Там слышны разны разговоры.
Иной, взводя на небо взоры:
“Велик Господь мой, — говорит, —
Мне видеть в старости судилось
И прежде смерти приключилось,
Что в радости Россия зрит!” (8: 558–559).

Речь старца — и идейно, и стилистически — отчасти напоминает слова Симеона Богоприимца, произнесенные им в день Сретения в Иерусалимском храме (Лк 2:29–32). В качестве богослужебного песнопения, входящего в чин вечерни, эти слова получили название Песни Симеона

на литии)” [Иларион 2010, 2: 473]. О различных богословских толкованиях и иконографии образа *Ветхого деньми* см., в частности: [Квливидзе 2004].

¹⁶ Выражение *Ветхий деньми*, помимо богослужения Сретения, можно обнаружить также в “Каноне молебном хранителю человеческия жизни ангелу”, входящем в Следованную Псалтирь: “Егда поставятся престолы, и книги разгнутся, и *Ветхий денми* сядет, и судятся человецы” [Псалтирь 1733: 371 об.]. Однако, с нашей точки зрения, какой-либо ассоциативной связи между этим тропарем, посвященным теме Страшного Суда, и разбираемой ломоносовской одой нет

Богоприимца: “Ныне отпускаеши раба Твоего, Владыко, по глаголу Твоему, с миром; яко видеста очи мои спасение Твое, еже еси уготовал пред лицем всех людей, свет во откровение языков, и славу людей Твоихъ Израиля”. При сопоставлении этого текста с фрагментом ломоносовской оды обращает на себя внимание целый комплекс повторяющихся мотивов: обращение старца к Богу; упоминание о долгожданной встрече, после которой можно умереть; мотив “увиденного”, которое явлено всем вокруг; “увиденное” прославляет государство или народ).

3

Отдельные библейские цитаты встречаются и в естественнонаучных трудах М. В. Ломоносова. В большинстве случаев ими доказывается излюбленная мысль М. В. Ломоносова о совместимости и “содружестве” науки и религии. Один из наиболее интересных примеров такого использования библейского контекста — это “Прибавление” к трактату “Явление Венеры на Солнце”, в котором помещены рассуждения о геоцентрической и гелиоцентрической системах мира. Говоря о церковном одобрении геоцентрической системы, Ломоносов противопоставляет мнения католических богословов отцам восточной церкви. Он пишет: “Богословы западных церкви принимают слова Иисуса Навина, глава 10 стих 12, в точном грамматическом разуме и потому хотят доказать, что Земля стоит” (4: 371). Речь идет об эпизоде из книги Иисуса Навина, когда во время битвы с ханаанскими племенами в Аялонской долине Иисус Навин остановил на небе Солнце и Луну, чтобы противник не смог отступить под покровом ночи: “Да станет солнце прямо Гаваону, и месяц прямо дебри Алион” (Нав 10:12) [МБ 1663: л. 82; Ломоносов 1891–1948, 5: 78 (2 паг.)]. Заметим, что здесь не цитируется Священное писание, а лишь присутствует указание на адрес цитаты (глава 10, стих 12). По мнению Ломоносова, отцы восточной церкви, в отличие от западных богословов, полагали, что “Священное писание не должно везде разуметь грамматическим, но нередко и риторским разумом [т. е. иносказательно. — Е. М.]” (4: 372). Иллюстрируя это положение, Ломоносов далее приводит несколько фрагментов рассуждений Василия Великого (“Шестоднев”) и Иоанна Дамаскина (“Точное изложение православной веры”), внутри которых встречаются цитаты из Библии: 1. *Василий Великий*: “Аз утвердих столпы ея”. Ср.: “Растаяся земля и вси живущии на ней: Аз утвердих столпы ея” (Пс 74:4) [МБ 1663: л. 240; Ломоносов 1891–1948, 5, 78 (2 паг.)]; 2. *Василий Великий*: “И рече Бог” (Быт 1) [МБ 1663: л. 1]; 3. *Василий Великий*: “В проклятельстве Израилю будет тебе небо медяно”. Ср.: “И будет небо над главою твоею медяно и земля под тобою железна” (Втор 28:3) [ИВид.: л. 75 об.]; 4. *Василий Великий*: “И виде Бог, яко добро”

(Быт 1) [ІВІД.: л. 1]; 5. *Иоанн Дамаскин*: “Се три небеса, яже божественный рече апостол”. Ср.: “Вем человека о Христе, прежде лет четыренадесяте, аще в теле, не вем, аще ли кроме тела, не вем, Бог весть: восхищена бывша такового до третиаго небесе” (2 Кор 12:2) [ІВІД.: л. 484об.; Ломоносов 1891–1948, 5: 80 (2 паг.)].

Несколько библейских цитат встречается и в собственных полемически-иронических рассуждениях Ломоносова, которые следуют далее и которые посвящены вопросу об инопланетянах:

Некоторые спрашивают, ежели-де на планетах есть живущие нам подобные люди, то какой они веры? Проповедано ли им евангелие? Крещены ли они в веру Христову? Сим дается ответ вопросный. В южных великих землях, коих берега в нынешние времена почти только примечены мореплавателями, тамошние жители, также и в других неведомых землях обитатели, люди видом, языком и всеми поведением от нас отменные, какой веры? И кто им проповедал евангелие? Ежели кто про то знать или их обратить и крестить хочет, тот пусть по евангельскому слову (“не стяжите ни злата, ни сребра, ни меди при поясах ваших, ни пиры на пути, ни двою ризу, ни сапог, ни жезла”) туда пойдет. И как свою проповедь окончит, то после пусть поедет для того ж и на Венеру. Только бы труд его не был напрасен. Может быть, тамошние люди в Адаме не согрешили, и для того всех из того следствий не надобно (4: 374–375).

Кроме цитаты из Евангелия от Матфея (“Не стяжите злата, ни сребра, ни меди при поясах ваших, ни пиры на пути, ни двою ризу, ни сапог, ни жезл” (Мф 10:9–10) [МБ 1663: л. 406об.; Ломоносов 1891–1948, 5: 80 (2 паг.)]), в этом пассаже находим фразеологизм *согрешить в Адаме*, который означает ‘стать носителем первородного греха Адама’ и, вероятно, восходит к тексту послания апостола Павла к Римлянам: “Сего ради, якоже едином человеком грех в мир вниде, и грехом смерть: и тако смерть во вся человеки вниде, о немже вси согрешиша” (Рим 5:12) [МБ 1663: л. 482]. Завершается ломоносовское ироническое рассуждение о проповеди среди инопланетян следующими словами: “Многи пути ко спасению. Многи обители суть на небесех”. Вторая часть этого высказывания — “Многи обители суть на небесех” — является перефразированной цитатой из Евангелия от Иоанна: “В дому Отца моего обители многи суть” (Ин 14:2) [ІВІД.: л. 445; Ломоносов 1891–1948, 5: 80 (2 паг.)].

Итак, в “Явлении Венеры на Солнце” мы видим три способа включения библейского контекста: 1) ссылка на Библию без цитирования, но с указанием адреса цитаты, 2) точная цитата, 3) измененная цитата. Эти три разновидности встречаются и в других научных трудах Ломоносова. Например, в “Слове о происхождении света” точно цитируется Псалтирь: “Небеса поведают славу Божию” (3: 317). Ср.: “Небеса поведают славу Божию, творение же руку Его возвещает твердь” (Пс 18:1) [МБ 1663:

л. 231; Ломоносов 1891–1948, 4: 369 (2 паг.)). Пример измененной цитаты из этого же произведения: “Селение свое положил он в солнце, то есть в нем сияние божества своего показал яснее, нежели в других тварах” (3: 317). Ср.: “В солнце положи селение Свое” (Пс 18:4) [МБ 1663: л. 231; Ломоносов 1891–1948, 4: 369 (2 паг.)]; как видно, изменен порядок слов. Пример ссылки на Библию без цитирования находим в “Слове о пользе химии”:

Между художествами первое место, по моему мнению, имеет металлургия, которая учит находить и очищать металлы и другие минералы. Сие преимущество дает ей не токмо великая древность, которая по свидетельству священного писания и по самим делам рода человеческого неспорима, но и несказанная и повсюду разливающаяся польза оное ей присволяет (2: 359).

К словам *священного писания* приводится примечание Ломоносова: “Бытия глава 4” (без более подробной расшифровки). Как отмечено в примечаниях М. И. Сухомлинова [Ломоносов 1891–1948, 4: 324], имеется в виду фрагмент книги Бытия, в котором описывается один из потомков Каина — Фовел: “Селла же и тая роди Фовела: сей бяше млатобиец, ковач меди и железа” (Быт 4:22) [МБ 1663: л. 2].

4

В “Явлении Венеры на Солнце” библейские цитаты включаются в полемический и иронический контекст. Похожую функцию — функцию создания стилистического контраста и иронического контекста — могут выполнять библейские и богослужебные цитаты в служебных документах М. В. Ломоносова и его письмах. Такой случай представляют, например, “Замечания на указ канцелярии Академии наук и на записку о сочинении «Карт продуктов российских»”. В проекте Академии 1763 г. предполагалось в короткие сроки создать три тома карт продуктов (российских, сибирских и малороссийских) с постоянными “обновлениями”:

А тому всему во всяком томе каталог в заглавии напечатается с приложением нумера страницы. И такой том будет прибавливаться, по мере как продукты во всем пространстве российском будут новые открываться, или фабрики, мануфактуры и прочие заводы, новые рукоделия заводиться.

Комментируя эту идею, Ломоносов, используя заключительные строки Евангелия от Иоанна, иронически пишет: “По сему расположению ни самому, мню, всему миру вместити пишемых книг. Аминь” (9: 289). Ср.: “Суть же и ина многа, яже сотвори Иисус, яже аще по единому писана бывают, ни самому мню миру вместити пишемых книг. Аминь” (Ин 21:25) [МБ 1663: л. 448] (9: 764).

Еще один любопытный пример использования библейского и богослужебного контекста находим в письме Ломоносова Шувалову, написанном в октябре 1753 года, которое посвящено рукописной сатире И. П. Елагина “На петиметра и кокеток” и полемически направлено не столько против Елагина, сколько против А. П. Сумарокова. Это ломоносовское письмо, как отмечают комментаторы академического полного собрания сочинений, “является превосходным образцом того полускрытого ‘насмешества’, о котором Ломоносов говорит в § 120 своей “Риторике” (9: 822). Речь идет о понятии ‘смех’ в первой книге “Краткого руководства к красноречию”:

Возбуждают авторы смех особливо в комедиях, сатирах и эпиграммах, где главное и нужное сего употребление. Но в прозаичном, а особливо в важном слове должно оно остерегаться и не употреблять, как только соединив с некоторою осанкою и удаляясь от подлости, в чем Цицерон имел великое искусство (7: 194–195).

Ломоносов комментирует начальные строки сатиры Елагина, указывая на различные несообразности этого текста, из-за которых оказывается, что Елагин, “хотя его (Сумарокова) похвалить, но не зная толку, весьма нелепо выбрал”. По поводу первой строки “Открытель таинства любовных лиры” Ломоносов пишет:

В первой строчке почитает Елагин за таинство, как делать любовные песни, чего себе Александр Петрович, как священнотайнику, приписать не позволит и Паном песенным назвать себя не допустит (10: 493).

Слова *таинство* и особенно *священнотайник* имеют явные церковно-богослужебные коннотации: словом *таинство*, как сказано в “Словаре Академии Российской”, “особенно называется каждый из семи церковных обрядов, Иисусом Христом установленных” [САР, 6: 12]. Слово *священнотайник* — редкое для русского языка XVIII века — отсутствует в “Словаре Академии Российской” и в картотеке “Словаря русского языка XVIII века” ИЛИ РАН. Оно зафиксировано “Словарем русского языка XI–XVII вв.”, где приведено четыре примера, три из Минеи, один — из сочинений соловецкого инокера Герасима Фирсова (1660 г.) [СЛРЯ XI–XVII вв., 23: 226]. Встречается однокоренное наречие и в Октоихе: “Святим Духом всяка душа живится, и чистотою возвышается, светлеется Тройческим единством священнотайне” (утреня, степенный антифон 4-го гласа [Октоих 1715: л. 273 об.]). Далее в стихотворении Елагин называет Сумарокова “благим учителем”: “Защитник истины, гонитель злых пороков, / Благий учитель мой, скажи, о Сумароков! / Где рифмы ты берешь?” [Поэты 1972: 372]. Обличая неуместность использования

этого обращения, Ломоносов называет его “ругательским титулом”. Это обращение восходит к известному эпизоду Евангелия от Матфея: “И се един некий приступль рече ему: учителю благий, что благо сотворю, да имам живот вечный? Он же рече ему: что мя глаголеши блага? никтоже благ, токмо един Бог: аще ли хочещи внити въ живот, соблюди заповеди” (Мф 19:16–17) [МБ 1663: л. 410об.]. Ломоносов, используя евангельскую мотивировку, пишет:

Благий по-славянски добрый знаменует, и по точному разумению писаться надлежит до божества, как оное свидетельствует: “Никто же благ токмо един бог”. Я не сомневаюсь, что А[лександр] П[етрович] боготворить таким образом себя не позволит. Итак, одно нынешнее российское осталось знаменование: ‘благой’ или ‘блажной’: нестерпимая обида! (10: 493)¹⁷.

Конечно, далеко не всегда библейские цитаты в служебных документах и письмах М. В. Ломоносова формируют полемический или иронический контекст. В некоторых случаях Псалтирь включается в речь Ломоносова, говорящего о себе при помощи библейского текста, при этом возникает своеобразный эффект “переключения языков”, акцентирующий мысль Ломоносова. Например, в письме И. И. Шувалову от декабря 1754 г. Ломоносов пишет:

Я прошу всевышнего господа бога, дабы он воздвиг и ободрил ваше великодушное сердце в мою помощь и чрез вас бы сотворил со мною знамение во благо, да видят ненавидящие мя и постыдятся, яко господь помог ми и утешил мя еси из двух единым, дабы или все сказали: камень, его же небрегоша зиждушии, сей бысть во главу угла, от господа бысть сей; или бы в мое отбытие из Академии ясно оказалось, чего она лишилась, потеряв такого человека, который чрез толь много лет украшал оную и всегда с гонительми наук боролся, несмотря на свои опасности (10: 519).

Здесь Ломоносов сначала пересказывает (переводит в косвенную речь) последний стих 85-го псалма: “Сотвори со мною знамение во благо, и да видят ненавидящие мя, и постыдятся, яко Ты, Господи, помог ми и утешил мя еси” (Пс 85:17) [МБ 1663: л. 242]. А затем — точно цитирует фрагмент 117-го псалма: “Камень, егоже небрегоша зиждушии, сей бысть во главу угла: от Господа бысть сей” (Пс 117:2–23) [ibid.: л. 247]¹⁸.

Тот же фрагмент 85 псалма находим в письме Ломоносова Федору Орлову от 26 июля 1762 года, где Ломоносов снова выступает в роли просителя:

¹⁷ Подробнее о литературном контексте полемики вокруг сатиры И. П. Елагина “На петиметра и кокеток” см.: [БЕРКОВ 1936: 119–136].

¹⁸ Этот известный пассаж цитируется также в книгах Нового завета (Лк 20:17; Мф 21:42; Мк 12:10; Деян 4:11).

К оним присовокупить можно, что в Германии знатных профессоров жалуют высокими чинами, баронами и тайными советниками, например, Вольф, Бильфингер и другие; в Швеции профессор Линней носит кавалерию Северной звезды; в Париже Домеран — орден святого Людовика, Кондамин — святого Лазаря. Между тем, отдаясь в божие благоволение, его прошу: сотвори со мною знамение во благо, да видят ненавидящие мя и постыдятся, яко ты, господи, помог ми и утешил мя еси. — Вышеписанное сообщаю для примера, не для прошения, чтоб только желаемое во благо б исполнить; благодарность моя его превосходительству [т. е. Г. Г. Орлову. — Е. М.] бессмертна будет утверждена публичными памятниками” (10: 561–562).

В некоторых случаях цитаты из Псалтири существенно трансформируются. Например, в письме И. И. Шувалову от 19 января 1761 года Ломоносов, с негодованием отказываясь примириться с Сумароковым, пишет следующее: “И ежели, несмотря на мое усердие, будете гневаться, я полагаюсь на помощь всевышнего, который мне был в жизнь защитник и никогда не оставил, когда я пролил перед ним слезы в моей справедливости” [Ломоносов 1950–1983, 10: 546]. Здесь видим трансформированную цитату из 26 псалма: “Господь просвещение мое и Спаситель мой, кого убоюсь? Господь Защититель живота моего, от кого устрашуся?” (Пс 26:) [МБ 1663: л. 232]. Изменяя цитату, как видно, Ломоносов выбирает более употребительный для эпохи вариант — *защитник* (об этом свидетельствуют материалы картотеки “Словаря русского языка XVIII века” ИЛИ РАН; у самого Ломоносова, по данным частотного конкорданса словоформ, лексема *защитник* используется вдвое чаще, чем *защититель*). Кроме того, Ломоносов отказывается от славянизированного типа речи: *живот* заменяется на *жизнь*. Таким образом, эффект “переключения языков”, который мы видели в других примерах ранее, здесь исчезает.

Наконец, еще одна форма использования библейского контекста в письмах и служебных документах Ломоносова — это цитаты в узком смысле (маркированные цитаты). Такой случай встречается, например, когда Ломоносов размышляет о точности переводов Библии в письме В. Н. Татищеву от 27 января 1749 года:

Так, принявшись прелагать на стихи прекрасный псалом 103, для того покинул, что многие нашел в переводе погрешности, например: “Змий сей, его же создал еси ругатися ему” [Пс 103:26; МБ 1663: л. 244об. — Е. М.], вместо: “се кит, его же создал еси презирати оное” (то есть море, его пространство) (10: 462)¹⁹.

¹⁹ Здесь Ломоносов сопоставляет церковнославянский текст псалма с немецким переводом Лютера [Кейперт 1999: 352].

Подводя итоги, следует отметить, что рассмотренный материал, явно недостаточный для системного рассмотрения форм и функций библейских и богослужебных заимствований у Ломоносова, демонстрирует разнообразие форм включения библейского и богослужебного контекста в ломоносовские тексты. Библейский источник может упоминаться без цитирования, может быть использована маркированная цитата, библейско-богослужебный контекст может включаться в собственную речь Ломоносова без переосмысления, а может переосмысливаться; наконец, особой формой следует считать использование библейско-богослужебной фразеологии (в ряде случаев как одического штапма, клише). Среди специфических функций библейско-богослужебных заимствований мы отметили следующие: 1) подключение библейского и богослужебного ассоциативного ряда к сюжету ломоносовской торжественной оды, 2) иллюстрация при помощи цитат мысли о совместимости науки и религии в естественнонаучных трудах, 3) использование библейско-богослужебного контекста в полемических целях (одним из главных средств здесь оказывается ирония), 4) акцентирование высказываний в ломоносовских письмах, в результате чего возникает своеобразный эффект “переключения языков”. Дальнейшее фронтальное исследование библейских и богослужебных заимствований и их функций, а также исследование соотношения библейских и богослужебных источников в различных жанрах ломоносовского словесного творчества продолжают быть среди наиболее перспективных задач.

Библиография

Источники

Гедеон 1755

Гедеон (Криновский), еп., *Собрание разных поучительных слов, при высочайшем дворе Ея Императорского Величества сказыванных придворным Ея Величества проповедником Иеромонахом Гедеоном*, 1, С.-Петербург, 1755.

Ломоносов 1891–1948, 1–8

Ломоносов М. В., *Сочинения*, 1–8, С.-Петербург, Москва, Ленинград, 1891–1948.

——— 1950–1983, 1–11

Ломоносов М. В., *Полное собрание сочинений*, 1–11, Москва, Ленинград, 1950–1983.

——— 2011

Ломоносов М. В., *Полное собрание сочинений*, 2-е изд., испр. и доп., 1–10, Москва, С.-Петербург, 2011.

МБ 1663

Библия, сиречь книги Ветхаго и Новаго Завета, по языку славенску [Московская Библия], Москва, 1663.

Миня 1730

Миня праздничная, Москва, 1730.

Октоих 1715

Октоих, Москва, 1715.

Поэты 1972

МАКОГОНЕНКО Г. П., СЕРМАН И. З., сост., *Поэты XVIII века*, 2, Ленинград, 1972.

Литература

АБРАМЗОН 2004

АБРАМЗОН Т. Е., *Одический тезаурус антропонимов, теонимов и топонимов (на материале 20-ти торжественных од М. В. Ломоносова): Материалы к спецкурсу*, Магнитогорск, 2004.

АЛЕКСЕЕВА 2005

АЛЕКСЕЕВА Н. Ю., *Русская ода: Развитие одической формы в XVII–XVIII веках*, С.-Петербург, 2005.

АФАНАСЬЕВ 2003

АФАНАСЬЕВ Э. Л., “Церковная проповедь елизаветинского времени о Западе и России”, in: *Россия и Запад: горизонты взаимопознания: Литературные источники XVIII века (1726–1762)*, 2, Москва, 2003, 621–641.

БЕРКОВ 1936

БЕРКОВ П. Н., *Ломоносов и литературная полемика его времени: 1750–1756*, Москва, Ленинград, 1936.

ВОСКРЕСЕНСКИЙ 1891

ВОСКРЕСЕНСКИЙ Г., *Ломоносов и Московская Славяно-греко-латинская Академия*, Москва, 1891.

ДОРОВАТОВСКАЯ 1911

ДОРОВАТОВСКАЯ В., “О заимствованиях Ломоносова из Библии”, in: *М. В. Ломоносов. Сборник статей*, С.-Петербург, 1911, 33–65.

ЖИВОВ 1994

ЖИВОВ В. М., “Церковнославянская литературная традиция в русской литературе XVIII века и рецепция спора ‘древних’ и ‘новых’”, in: Н. В. Злыднева, Н. М. Куренная, Л. А. Софронова, ред., *История культуры и поэтика*, Москва, 1994, 62–82.

——— 1996

ЖИВОВ В. М., *Язык и культура в России XVIII века*, Москва, 1996.

——— 2002

ЖИВОВ В. М., “Кошунственная поэзия в системе русской культуры конца XVIII – начала XIX века”, in: ИДЕМ, *Разыскания в области истории и предьстории русской культуры*, Москва, 2002, 638–681.

ЗАПАДОВ 1979

ЗАПАДОВ А. В., *Поэты XVIII века: М. В. Ломоносов, Г. Р. Державин: Литературные очерки*, Москва, 1979.

ИЛАРИОН 2009–2010, 1–2

ИЛАРИОН (АЛФЕЕВ), МИТР., *Православие*, 1–2, Москва, 2009–2010.

КВЛИВИДЗЕ 2004

КВЛИВИДЗЕ Н. В., “Ветхий денми”, in: *Православная энциклопедия*, 8, Москва, 2004, 54–55.

ЛЕВИТТ 2006

ЛЕВИТТ М., “«Вечернее размышление в Божием величестве» и «Утреннее размышление о Божием величестве» Ломоносова: опыт определения теологического контекста”, in: *XVIII век*, 24, С.-Петербург, 2006, 57–70.

——— 2015

ЛЕВИТТ М., *Визуальная доминанта в России XVIII века*, Москва, 2015.

ЛЕОНОВ, КАРПЕЕВ, САВЕЛЬЕВА 2007

ЛЕОНОВ В. П., КАРПЕЕВ Э. П., САВЕЛЬЕВА Е. А., “Пометы М. В. Ломоносова на Синодальном издании Октоиха 1746 г.”, in: *Федоровские чтения*, Москва, 2007, 337–347.

ЛОТМАН 1983

ЛОТМАН Ю. М., “Об «Оде, выбранной из Иова» Ломоносова”, *Известия АН СССР. Серия литературы и языка*, 42/3, 1983, 253–262.

ЛУЦЕВИЧ 2002

ЛУЦЕВИЧ Л. Ф., *Псалтырь в русской поэзии*, С.-Петербург, 2002.

МАТВЕЕВ 2009

МАТВЕЕВ Е. М., *Русская ораторская проза середины XVIII века (панегирик в светской и духовной литературе)*, С.-Петербург, 2009.

ПЕКАРСКИЙ 1873

ПЕКАРСКИЙ П. П., *История Императорской Академии Наук*, 2, С.-Петербург, 1873.

ПОГОСЯН 1997

ПОГОСЯН Е. А., *Восторг русской оды и решение темы поэта в русском панегирике 1730–1762 гг.*, Тарту, 1997.

ПРОСКУРИНА 2006

ПРОСКУРИНА В., *Мифы империи: Литература и власть в эпоху Екатерины II*, Москва, 2006.

ПУМПЯНСКИЙ 1935

ПУМПЯНСКИЙ Л. В., “Очерки по литературе первой половины XVIII века”, in: *XVIII век*, Москва, Ленинград, 1935, 83–132.

——— 1983

ПУМПЯНСКИЙ Л. В., “Ломоносов и немецкая школа разума”, in: *XVIII век*, 14, Ленинград, 1983, 3–44.

САР, 1–6

Словарь Академии Российской, производным путем расположенный, 1–6, С.-Петербург, 1789–1794.

СЕРМАН 1966

СЕРМАН И. З., *Поэтический стиль Ломоносова*, Москва, Ленинград, 1966.

СЛРЯ XI–XVII вв., 1–30–

Словарь русского языка XI–XVII вв., 1–30–, Москва, 1975–2015–.

СОЛОСИН 1913

СОЛОСИН И. И., “Отражение языка и образов Св. Писания и книг богослужебных в стихотворениях Ломоносова”, *Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук*, 18/2, 1913, 238–293.

ВАЕНР 1991

ВАЕНР S. L., *The Paradise Myth in Eighteenth-Century Russia. Utopian Patterns in Early Secular Russian Literature and Culture*, Stanford (CA), 1991.

КЕИРЕРТ 1999

КЕИРЕРТ Н., “Курица не птица, а кит не змий: Zu Lomonosovs «Prelozhenie psalma 103»,” in: G. BROGI BERCOFF, M. DI SALVO, L. MARINELLI, a cura, M. PIACENTINI, red., *Traduzione e rielaborazione nelle letterature di Polonia, Ucraina e Russia. XVI–XVIII secolo*, Alessandria, 1999, 349–374.

References

- Abramzon T. E., *Odicheskiĭ tezaurus antroponimov, teonimov i toponimov (na materiale 20-ti torzhestvennykh od M. V. Lomonosova): Materialy k spetskursu*, Magnitogorsk, 2004.
- Afanasyev E. L., "Tserkovnaia propoved' elizavetskogo vremeni o Zapade i Rossii," in: *Rossii i Zapad: gorizonty vzaimopoznaniia: Literaturnye istochniki XVIII veka (1726–1762)*, 2, Moscow, 2003, 621–641.
- Alekseeva N. Yu., *Russkaia oda: Razvitie odicheskoi formy v XVII–XVIII vekakh*, St. Petersburg, 2005.
- Baehr S. L., *The Paradise Myth in Eighteenth-Century Russia. Utopian Patterns in Early Secular Russian Literature and Culture*, Stanford (CA), 1991.
- Berkov P. N., *Lomonosov i literaturnaia polemika ego vremeni: 1750–1756*, Moscow, Leningrad, 1936.
- Keipert H., "Kuritsa ne ptitsa, a kit ne zmiĭ: Zu Lomonosovs «Prelozhenie psalma 103»,» in: G. Brogi Bercoff, M. Di Salvo, L. Marinelli, a cura, M. Piacentini, red., *Traduzione e rielaborazione nelle letterature di Polonia, Ucraina e Russia. XVI–XVIII secolo*, Alessandria, 1999, 349–374.
- Kvividze N. V., "Vetkhii denmi," in: *Pravoslavnaia entsiklopediia*, 8, Moscow, 2004, 54–55.
- Leonov V. P., Karpeev E. P., Savelyeva E. A., "Pomety M. V. Lomonosova na Sinodal'nom izdanii Oktoikha 1746 g.," in: *Fedorovskie chteniia*, Moscow, 2007, 337–347.
- Levitt M., "Veчерnee razmyshlenie v Bozhiem velichestve' i 'Utrennee razmyshlenie o Bozhiem velichestve' Lomonosova: opyt opredeleniia teologicheskogo konteksta," in: *XVIII vek*, 24, St. Petersburg, 2006, 57–70.
- Levitt M., *The Visual Dominant in Eighteenth-Century Russia*, Moscow, 2015.
- Lotman Yu. M., "Ob 'Ode, vybrannoi iz Iova' Lomonosova," *Izvestiia AN SSSR. Seriiia literatury i iazyka*, 42/3, 1983, 253–262.
- Lutsevich L. F., *Psaltyr' v russkoi poezii*, St. Petersburg, 2002.
- Matveev E. M., *Russkaia oratorskaia proza serediny XVIII veka (panegirik v svetskoi i dukhovnoi literature)*, St. Petersburg, 2009.
- Metropolitan Hilarion Alfeyev, *Pravoslavie*, 1–2, Moscow, 2009–2010.
- Pogosjan Je., *Vostorg russkoi ody i reshenie temy poeta v russkom panegirike 1730–1762 gg.*, Tartu, 1997.
- Proskurina V. Yu., *Mify imperii: literatura i vlast' v epokhu Ekateriny II*, Moscow, 2006.
- Pumpianskiy L. V., "Ocherki po literature pervoi poloviny XVIII veka," in: *XVIII vek*, Moscow, Leningrad, 1935, 83–132.
- Pumpianskiy L. V., "Lomonosov i nemetskaia shkola razuma," in: *XVIII vek*, 14, Leningrad, 1983, 3–44.
- Serman I. Z., *Poeticheskii stil' Lomonosova*, Moscow, Leningrad, 1966.
- Zapadov A. V., *Poety XVIII veka: M. V. Lomonosov, G. R. Derzhavin: Literaturnye ocherki*, Moscow, 1979.
- Zhivov V. M., "Tserkovnoslavianskaia literaturnaia traditsiia v russkoi literature XVIII veka i reitsepsiia spora 'drevnikh' i 'novykh'," in: N. V. Zlydneva, N. M. Kurennaya, L. A. Sofronova, eds., *Istoriia kul'tury i poetika*, Moscow, 1994, 62–82.
- Zhivov V. M., *Iazyk i kul'tura v Rossii XVIII veka*, Moscow, 1996.
- Zhivov V. M., *Razyskaniia v oblasti istorii i predystorii russkoi kul'tury*, Moscow, 2002.

Евгений Михайлович Матвеев, канд. филол. наук
С.-Петербургский государственный университет,
доцент кафедры истории русской литературы
199034 С.-Петербург, Университетская наб., д. 11
Россия/Russia
ematveev@list.ru

Received April 16, 2016